

An illustration of a classroom scene. A female teacher with dark, wavy hair, wearing a green jacket and a patterned tie, stands behind a wooden desk. On the desk are a globe and a clock. In the foreground, a young girl with blonde braids and a red bow in her hair is sitting at a desk, writing in a notebook. To her right, another girl with brown hair is sitting at a desk, looking towards the teacher. In the background, a boy is sitting at a desk, writing. The scene is set in a room with wooden walls and desks.

Янина Казликина

*Моя
«педагогическая
поэма»*

Янина Казликина

Моя педагогическая поэма

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74325051

Моя педагогическая поэма / Я. Казликина: BookBox; Краснодар; 2026

ISBN 978-5-908037-90-7

Аннотация

Легендарной книге Антона Семеновича Макаренко «Педагогическая поэма» в 2025 году исполнилось 90 лет! У Янины Казликиной сложилась своя «педагогическая поэма» – повесть о труде учителя немецкого языка в 90-е годы. Что можно было противопоставить тогда всеобщей катастрофе и разрухе? Только любовь. Несмотря ни на что...

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	7
Школа в детском саду	7
Шалва Александрович Амонашвили	15
Кто может учить иностранный язык в раннем возрасте?	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Янина Казликина
Моя педагогическая
поэма. Очерки о школе, с
эпилогом и приложением

*Ничто не придает книге такого веса и
достоинства, как приложение.*
Геродот

BookBox

© Янина Казликина, 2026

© Издательский дом «BookBox», 2026

Предисловие

Работа над текстом этой книги была непростой. Мне хотелось не только рассказать о своих учительских буднях, но и показать, как именно строилось взаимодействие с детьми на уроках немецкого языка. Но когда я стала вставлять эти фрагменты в общий текст повествования, возник какой-то хаос и мешанина: спокойный пересказ событий, школьные истории пошли вперемешку с методическими приемами обучения языку. Словом, кошмар!

Тогда мне на помощь пришел Марк Твен! К своей книге «Пешком по Европе» он сочинил эпиграф: «Ничто не придает книге такого веса и достоинства, как приложение», приписав эти слова Геродоту. И я решила, что Марк Твен прав. Я выделила все свои методические размышления и примеры в отдельную главу, которую так и назвала: «Приложения». Если читатель заинтересуется, то сможет изучить эту подборку. В основном тексте есть отсылки к номерам приложений. Если читатель владеет немецким языком, то ему тем более будет интересно почитать, как его коллега работала с маленькими детьми в девяностые годы.

Это был очень непростой период нашей истории. Никому не было никакого дела до народного образования. Настолько никакого, что в конце концов решили, что учиться одиннадцать лет – слишком жирно! Будем сокращать программу, и

вообще: меньше знаешь – крепче спишь!

К сожалению, произошло то, что утверждал А. М. Горький в своих заметках «Несвоевременные мысли»: «...вокруг нас во всем мире грозно совершается трагедия. Все мощные силы мировой истории ныне приведены в движение, все человекозвери сорвались с цепи культуры, разорвали ее тонкие ризы и пакостно обнажились, – это явление, равное катастрофе, сотрясает устои социальных отношений до основания».

Перестройка, развал экономической системы страны, а следом за ней здравоохранения, культуры и образования не могли не отразиться на жизни основных слоев населения. Заводы и фабрики разорялись, люди оставались без работы, занимались различными спекуляциями, перепродажей всего и вся, скупали ваучеры да и просто растаскивали то, что еще можно было утащить.

Только учителя, как всегда, ничего не могли ни унести, ни принести. Но приносить приходилось все равно. Иначе не с чем было работать. Катастрофе и разрухе можно было противопоставить только любовь и служение основополагающим ценностям человечества: в любых условиях надо учить детей жить, читать, писать, любить свою страну и гордиться ею, несмотря ни на что...

Часть 1

Школа в детском саду

Всем хорошо известно с давних пор, что короля придворные играют.

Бессмыслен без оркестра дирижер, без публики артист, возжак без стаи: они как без бумаги карандаш.

Вершины без подножия – мираж.

Г. А. Маура (1931–2016), писатель, поэт

В 1991 году мой старший ребенок должен был пойти в школу. Ему было всего шесть лет. Нам это объявили в детском саду, что теперь в первые классы будут набирать шестилеток. Многие родители сильно сопротивлялись такому предписанию, уверяя, что их дети не готовы идти в школу с шести лет.

На тот момент я понятия не имела, что такое работа в школе, что такое педагогика и что такое дети в школе. Я смотрела на своих детей и судила, что все дети, наверное, такие же, ничего страшного, как-нибудь привыкну. Именно в это время, в начале девяностых, я собралась идти работать в школу. Ближе к лету я уволилась с завода, где я работала переводчицей немецкого языка, ведь нужно было готовиться

к школе. Воспитатели в детском саду, куда ходили мои дети, утверждали в один голос, что дети хорошие, уже умеют читать и писать и им сам бог велел идти в школу. И я совершенно не сопротивлялась велению времени. Надо так надо, значит, пойдем в школу.

При школе, куда я пришла, был детский сад, с которым школа сотрудничала. Там было две группы детей-шестилеток, которые на следующий год после детского сада уже шли в школу во второй класс.

В детском саду они учились читать, писать, считать и пытались освоить иностранный язык. С ними занимались учителя начальных классов как обычно, т. е. вели все уроки. Я приходила, чтобы провести с ними уроки немецкого языка. В школе преподавали два языка: английский и немецкий.

В этом садике дети должны были учить немецкий язык.

* * *

– Здравствуйте, дети! – сказала я, войдя в помещение, где у окна находился большой стол, за которым сидела группа детей-шестилеток.

– Здравствуйте! – радостно ответили мне дети. Я прошла к столу, поставила на него свой портфель и посмотрела на них с улыбкой; что делать дальше, я, честно говоря, не знала...

В школе я появилась в конце августа, зашла к директору и

заявила ей свое намерение поработать здесь преподавателем немецкого языка. Директор на меня посмотрела с большой долей скепсиса и сожаления. Видимо, я по какой-то причине не внушала ей доверия... Директор думала, думала и предложила мне взять шестилеток в детском саду, мол, пока привыкнете, посмотрите, что да как... Выбора у меня не было.

И вот я стояла в этом детском саду и смотрела на два десятка маленьких людей, которым я должна была преподавать иностранный язык. Я представилась и сказала, что у них появится новый предмет – немецкий язык.

– Кто-нибудь из вас слышал что-нибудь на немецком языке: стихи, песни?

Дети покачали головами, мол, никогда и ничего. И тогда я стала вспоминать все стихи на немецком языке, которые я учила на уроках фонетики в университете, да и просто учила, если стихи мне нравились. Я читала стихи, словно я стояла перед экзаменационной комиссией, четко проговаривая слова и интонацию, а когда закончила, сказала:

– Эти стихи написал немецкий поэт Генрих Гейне, вам понравилось?

– Да-а-а-а!!! – было мне ответом.

– Дети, а вы не задумывались, что мы с вами давно уже употребляем в своей речи немецкие слова? Вы знаете какие-нибудь слова, которые очень похожи на иностранные и, может быть, даже на немецкие?

Кто-то сказал «бутерброд».

– Молодец! – похвалила я. – А еще есть такие слова, как «валторна», например. Это музыкальный инструмент, происходит буквально от немецкого слова *Waldhorn*, что означает «лесной рожок». С этим рожком древние германцы ходили на охоту. Или, например, слово «вафля»? Это тоже немецкое слово, оно произошло из древневерхненемецкого языка, от слова *Wabe* – сота, ячейка. Ведь вафли очень похожи на пчелиные соты, правда?

– Да! – отвечали дети, и мы продолжали разбирать такие слова, как ванна, галстук, дуршлаг, капут, кнопка, китель, ландшафт, почтампт, рюкзак, стул, циферблат и много, много других слов.

Наконец я открыла свой портфель и заглянула в него. Я заметила, что у многих детей вытянулись шеи и они затихли, предвкушая, как тетенька что-то такое вытащит из портфеля и всем станет весело...

Я вытащила пачку картона, перетянутого резинкой. Это был латинский алфавит, другая пачка была с картинками диких и домашних животных. Все это «несметное богатство» я собирала по всей округе, как нищенка на паперти собирает милостыню. На мой вопрос: «А какие есть у вас в школе методические пособия для малышей?» – и директор, и коллеги только пожимали плечами.

– Ну, вы уж там сами пока что-нибудь придумайте, это дело новое для всех, поэтому... сами... сами... что-нибудь...

И вот я галопом обежала все ближайшие детские садики с вопросом: «У вас есть лишние учебные пособия для детей-шестилеток?» Где-то меня сразу посылали куда подальше, а где-то сочувственно выслушивали и тоже отправляли ни с чем, и только в одном садике очень пожилая методист отдала мне огромную картонную папку с тематическими картинками, с буквами для вырезания: русскими и латинскими, и много разных плакатов с предметами для счета и для обучения речи. Аллилуйя! Как же я была счастлива! Тексты для чтения я написала сама крупными буквами под копирку, благо подчерку меня был разборчивый, учительский!

Всеобщая компьютеризация еще не началась! Директор дала мне номера телефонов моих коллег, с которыми я должна была связаться и уточнить, в каких классах мне будет позволено преподавать. Я позвонила Инне Константиновне и Софье Николаевне. Коллеги преподавали немецкий язык в старших классах школы. Кроме них еще была очень пожилая коллега Аделина Давидовна, которая преподавала немецкий в разных классах. Она была очень опытный педагог и работала в этой школе с момента ее основания. Из молодых в школу пришла выпускница пединститута Арина Сергеевна. Кроме того, в школе имелась масса приходящих-уходящих педаго-

гов. Одной из них была переводчица «Интуриста» Ираида Вадимовна Королек.

В конце августа, перед самым началом учебного года, собралась наша кафедра иностранного языка. Мы расселись за партами в кабинете у Софьи Николаевны. Софья Николаевна включила телевизор и предложила посмотреть нам очередную серию сериала «Богатые тоже плачут», потому что она не успела посмотреть эту серию вечером. Ее очень интересовала сцена с девочкой-подростком Марисабель, которая ушла из дома. Она так переживала за эту девочку, как за свою ученицу, не меньше. Пришлось смотреть. Затем мы все записали свои классы, куда нам предстояло выйти первого сентября. У меня кроме детского сада оказалось три пятых класса, я их делила с Ираидой Королек. Это сразу двенадцать часов. Два шестых, это еще шесть часов, я их делила с Инной Константиновной. Одним словом, восемнадцать часов в неделю у меня набегало.

* * *

Первым делом я познакомилась с коллегами начальных классов. Я стала напрашиваться к ним на уроки, мол, тысяча извинений, но я никогда не преподавала в начальной школе. Я только взгляну одним глазком, и все. Коллеги смущались, но не отказывали мне.

Особенно мне понравилась одна пожилая коллега. Назо-

вем ее Анна Ивановна. Она уже готовилась к выходу на пенсию и работала в школе последний год. У нее был третий класс. Педагог была невысокого роста, худенькая, я бы даже сказала, хрупкая. Мне сразу понравился ее оптимистический настрой и добрый нрав. Вскоре я знала о ее классе все, Анна Ивановна рассказывала о каждом ученике много и долго. Я ее не перебивала. Мне все было интересно. Слушались ее дети с полуслова и с полувзгляда, несмотря на ее малый рост. После урока, когда дети шумно стали выбегать из класса, Анна Ивановна молча посмотрела им вслед и, пожав плечами, сказала:

– И чего они кричат? Весь день кричат, кричат...

Но в ее голосе не было и капли раздражения или неприязни к своим шумным воспитанникам. Мне запомнилось это спокойное созерцательное отношение учителя к своим ученикам.

* * *

Вторым делом, я перерыла школьную библиотеку в поисках методических материалов для начальной школы. В школьной библиотеке я ничего интересного не обнаружила, а может, уже коллеги разобрали? В районной библиотеке я нашла книгу Ш. А. Амонашвили «Здравствуйте, дети!» и книгу В. А. Сухомлинского «Отдаю сердце детям». Эти книги стали базой, на которой я стала строить свою методи-

ку для начальной школы.

Шалва Александрович Амонашвили

Ш. А. Амонашвили

Ш. А. Амонашвили родился в 1931 году в г. Тбилиси (Грузия). Окончил востоковедческий факультет Тбилисского университета. С 1983 по 1991 год возглавлял НИИ педагогики Грузинской ССР. Педагогический эксперимент по исследованию развивающего обучения начался еще в шестидесятые годы прошлого века, в Тбилиси, в лаборатории экспериментальной дидактики. Первым проектом Амонашвили была «Школарадости» в Тбилиси. В 1961 году он начал

эксперимент по работе с детьми-шестилетками. Цель эксперимента – вырастить просто хороших людей, и педагог считает, что она была достигнута.

В начале педагогической деятельности Амонашвили дали самую ужасную школу в Москве, куда ссылали всех отстающих детей. В течение двух лет он превратил ее в образцовое учебное заведение. Чиновники из министерской комиссии были изумлены произошедшей переменой и спрашивали:

– А где же недоразвитые дети?

На что Ш. А. Амонашвили отвечал, что детей надо любить и с ними заниматься, тогда в них расцветают чудесные цветы талантов.

С 1993 года Ш. А. Амонашвили принимал участие в работе объединения «Школа 2100», вместе с А. А. Леонтьевым. Шалва Александрович готовит основные документы, он вписывает свою концепцию гуманной личностно-ориентированной педагогики в общую схему образовательной системы «Школа 2100». После смерти А. А. Леонтьева становится одним из научных руководителей этой образовательной системы и одновременно руководит Лабораторией гуманной педагогики при Московском городском педагогическом университете.

Основной постулат учительской философии Амонашвили заключается в следующем: «Каждый ребенок пришел в этот мир не случайно: он рождается потому, что должен был родиться, он пришел как бы **на зов людей**. У него своя

жизненная миссия, которой мы не знаем, может быть великая, и для того он наделен величайшей энергией духа. Наш долг – помочь ему выполнить ее».

– Что такое гуманная педагогика?

Шалва Александрович отвечает:

– Эта педагогика принимает ребенка таким, какой он есть, соглашается с его природой. Она видит в ребенке его безграничность, осознает его космичность и ведет, готовит его к служению человечеству на протяжении всей жизни.

– А как быть в этой ситуации учителям?

– Мы должны измениться. Новые дети в старой педагогике не умещаются. Образовательный процесс должен быть творческим. Задания, которые задают детям, должны быть понятны, заманчивы, увлекательны. Вот что влияет на образовательный процесс, а не стандарты. Стандарты есть не что иное как ограничения, палка в руках, чтобы бить ребенка по голове, чтобы он дальше стандарта не ушел. А наши дети просто такие, какой будет жизнь семидесятых, восьмидесятых, девяностых, двухтысячных годов этого столетия... (и следующего тысячелетия, – добавим мы от себя.)

И еще одна цитата от Ш. А. Амонашвили:

«Школа является некой лестницей для восхождения духовности и души человека, высшей ступенью, которой принято считать любовь. Воспитание является питанием ду-

ховного стержня человека. Образование – есть процесс нахождения и последующего утверждения своего внутреннего образа (я думаю, Амонашвили имеет здесь в виду возвращение своего self, Самости, по теории К. Г. Юнга. – Примеч. автора.), с помощью потоков внешних образов¹.

Урок представляет собой процесс поиска своей судьбы через призму опыта, знаний, эстетики и самой жизни. Учитель, в этой системе, выступает в качестве носителя мудрости и знаний».

Учитель в представлениях Амонашвили является таким человеком, который раскрывает детям смысл жизни, а смысл этот есть служение другим людям и творение добра на всех уровнях – ни большие, ни меньшие!

* * *

Философия Ш. А. Амонашвили была мне близка. Я считала, что доброе отношение к маленькому человеку может творить чудеса. Я настраивала себя на взаимопонимание с детьми и с коллегами. Я еще очень много не понимала в том, что такое школа.

На моих уроках дети вели себя без напряжения. Они могли подходить к товарищам и выяснять что-то. Только делать это нужно было тихо, говорить шепотом, чтобы не мешать дру-

¹ Здесь Амонашвили очень близок к идеям Аристотеля, который в свое время провозгласил: «Познание себя – начало всякой мудрости».

гим. Однажды я так сидела в классе, занятия проходили в школе. Это был третий класс. И в класс вошла их классная. Она увидела, что дети двигаются в классе, ходят от парты к парте и стала так кричать на них, словно меня в классе и не было, как будто я – пустое место. Дети сели на свои места, а коллега продолжала, уже глядя на меня:

– Что это еще за бардак такой? Почему дети по классу болтаются? Вы куда смотрите?

– Они не болтаются, – отвечала я, – они работают. Они обмениваются знаниями. Это новые коммуникативные методики.

– Знаю я эти ваши методики, – продолжала классная, – разболтают детей, а потом их не собрать. Чтоб тихо у меня сидели, – грозно посмотрела она в сторону детей и вышла из класса.

Я посмотрела на часы. До звонка было минуты три. Я попросила детей собрать потихоньку свои вещи и готовиться к очередному уроку. У меня было такое настроение, словно на меня вылили ушат воды.

Я часто замечала, что у моих старших коллег на уроках иностранного – хоть в старших классах, хоть в младших – стоит гробовая тишина.

Я не понимала, что они изучают в этой гробовой тишине. А потом Ираида Вадимовна Королек мне пояснила:

– Как что они изучают? Переписывают тексты из учебника.

– С какой целью?

– Не знаю, может, слова какие ищут или грамматику какую, не знаю, но точно знаю, что сидят и пишут целыми днями.

– А смысл какой?

– Яна Фердинандовна, без всякого смысла, день прошел и ладно...

Да, для меня это было открытие. Оказывается, иностранный язык можно учить молча!

Кто может учить иностранный язык в раннем возрасте?

Мне пришлось погрузиться в изучение этой проблемы с головой.

И ничего пока еще не маячило у меня на горизонте. Мои уроки были спонтанными. Я подключала потихоньку «ква-зиписьмо» и «квазичтение», по методике Амонашвили. Мы разобрались с гласными и согласными звуками и теперь, изучая слово, могли легко определить, сколько в нем гласных и сколько согласных, а следовательно, и записать слово с помощью красных и синих кружочков!

Я неплохо рисовала в технике кроки. Методики эти (рисование в технике кроки) рекомендовали учебники немецкого языка авторов И. Л. Бим и А. А. Голотиной. В этом же учебнике давались модели простейших предложений на немецком языке. (См. *прил. 3*) Так как синтаксис в языках очень отличается, я взяла эти модели на вооружение. Кроме того, это позволяло строить нам короткие и простые предложения. Так мы учились говорить, а данные модели позволяли нам говорить без ошибок. Ведь надо же было хоть на что-нибудь опираться! Я ставила на доске точку мелом и спрашивала детей:

– Wer ist das? (Кто это?)

Дети пытались отгадать:

– Ist das ein Hund?

– Ist das ein Papagei?

– Ist das eine Katze? (Это собака? Это попугай? Это кошка?)

И так далее. Я все время добавляла на рисунке новые детали. Дети вспоминали всех животных, которых они уже выучили и зарисовали в свои альбомы.

И, наконец, кто-то отгадывал:

– Ist das ein Igel? (Это ежик?)

– Ja, das ist ein Igel! (Да, это ежик!)

Поняв смысл игры, дети тянули руки, чтобы пойти к доске и поиграть со своими товарищами. Придумывали такие уж хитрые линии, чтобы одноклассники не догадались, что это за зверь такой!

* * *

Параллельно я узнавала, что в школах, в свете новых веяний, выделяют группы интенсивной подготовки. Если ребенок учился в садике и хорошо успевал, то в школе он переходил сразу в пятый класс. Три года в садике – и сразу в пятый класс! Другие дети учились четыре года в садике и потом тоже переходили в школу, в пятый класс, как обычно. Это случалось по желанию родителей, или если дети были не очень активны и сообразительны.

Обучение иностранному языку с шести лет тоже было

очень смелое решение. Не было ни учебников, ни методик, ни специалистов, мало-мальски сведущих в этом деле... Кто бы знал, как это делать? На тот момент Ш. А. Амонашвили не был широко известен в Санкт-Петербурге. Он использовал свои методики, чтобы так преподавать русский язык грузинским ребятишкам. Они как нельзя лучше подходили для моих задач. Но такие методики совсем не приветствовались в наших школах. Я взяла на себя смелость использовать его приемы, потому что мне сказали старшие товарищи: «Придумайте сами что-нибудь!»

Неясным также оставалось и положение с родным языком ребенка. Многие дети учились у логопедов, т. е. у них с рождения были проблемы со звуками родного языка. А тут сразу иностранный! Дефекты речи были практически у всех, но те дети, кто работал с логопедом, освобождались от уроков иностранного языка. (Сами понимаете, какие проблемы возникали потом с иностранным языком...)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.